

Киевград. - 1995. - 25 февр. - с. 5

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Мой Федор рядом с Федором Ивановичем

На долю солистки «Русской оперы» в Париже и Словацкой национальной оперы в Братиславе, по происхождению донской казачки, Елизаветы Николаевны Эверт выпало счастье выступать на одних подмостках с великим Ф. И. Шалаяпиным, общаться с ним на репетициях. После 1948 года она жила в США, где продолжала много и успешно выступать на сцене. Там же написала свои воспоминания, ныне бережно хранимые дочерью Елизаветы Николаевны. С ее согласия эти воспоминания предлагаю вниманию читателей.

К. ХОХУЛЬНИКОВ,
РОСТОВ-НА-ДОНУ.

Обстоятельства моей жизни сложились так, что в 1920 году вся моя семья должна была покинуть Россию. После короткого пребывания в Константинополе мы переехали в Италию, в Рим. Там я начала учиться пению...

В 1930 году мы с мужем поехали навестить моих родных в Париже. Узнав о существовании в Париже Русской консерватории имени С. В. Рахманинова, я решила попытаться счастья поступить в нее и пошла на пробу к М. А. Славиной, бывшей артистке Императорского Мариинского театра. Она внимательно прослушала меня и предложила поступить в консерваторию в ее класс на стипендию. Я прозанималась с М. А. Славиной два года, и это было для меня огромным счастьем. То, чему я научилась у нее, осталось со мной на всю жизнь.

Однажды утром, после отчетного концерта в консерватории, М. А. Славина позвонила мне в отель, где я жила с моими родными, и сообщила, что моим

голосом заинтересовался М. Э. Кашук, директор «Русской оперы», который присутствовал на концерте, и предлагает мне принять участие в предстоящем сезоне «Оперы» с участием Ф. И. Шалаяпина. У меня затряслись ноги, и я еще раз переспросила Марию Александровну. Она засмеялась и сказала:

— Приезжайте, все расскажу подробно.

Когда я приехала, она сообщила мне, что М. Э. Кашук предлагает мне спеть четыре роли в предстоящем сезоне. И что она уже ответила за меня утвердительно. Роли были: Марины («Борис Годунов»), Кончаковны («Князь Игорь»), Полины («Пиковая дама»), а также Любаши («Царская невеста»). Я страшно волновалась, но моя дорогая Мария Александровна успокоила меня, сказав, что сама пройдет со мной эти роли, которые в свое время она пела в Мариинском театре в Петербурге.

...Первое мое выступление было в партии Марины в «Борисе Годунове». Дирижировал этой оперой Анатолий Фистуляри, тогда еще молодой дирижер, но уже отмеченный Шалаяпиным.

На генеральной репетиции, играя сцену «У фонтана», я увидела Шалаяпина, сидящего у боковой кулисы. Волнение охватило меня, и было такое чувство, какое, наверное, бывает у скаковых лошадей: перескочить или... разбиться. Однако я «перескочила»: никаких замечаний со стороны Шалаяпина не было ни до, ни после репетиции. Правда, ему было известно, что я ученица Славиной, которую он очень уважал и ценил.

Однажды меня позвал в свой кабинет М. Э. Кашук и предложил мне познакомиться с М. Давыдовой, певицей партию Фе-

дора в этом сезоне. Ей захотелось спеть Марину. М. Давыдова была старше меня, с большим стажем, а я была еще «желторотым птенцом». Конечно, я сразу же согласилась. Кто бы отказался петь Федора с самим Шалаяпиным?!

Славина похвалила меня за данное согласие, и мы стали готовить с ней эту партию. По приглашению Федора Ивановича репетиция была назначена в его доме. Со мной поехали режиссер А. М. Давыдов и аккомпаниатор И. К. Базилевский. Шалаяпин очень любезно встретил нас, угостил чаем. Дом у него был очень красивый, в гостиной стоял прекрасный рояль, на стенах — портреты хозяина.

Начали репетицию. Шалаяпин сел в кресло и сказал мне:

— Представь себе, что я сижу на сцене, но, пожалуйста, не делай так, как делают другие Федоры: вбегают и сразу же бросаются ко мне. Он не мог знать, где я сижу. Его позвали к отцу, сказали, что отцу плохо. Ты вбегаешь на сцену и ищешь его: где отец? Ах, вот он! Ты бросаешься к нему, начинаешь оцупывать шею, голую, грудь: где болит?

Тут я усажу тебя на скамеечку у моих ног, возле трона, и начну петь: «Прощай, мой сын, умираю...» и т. д. И больше уже ничего не делай, слушай внимательно, не спуская с меня глаз.

Еще сказал, чтобы в сцене «В тереме» во втором действии, где я стою у стола и показываю ему географическую карту, я бы смотрела на него не только с почтением, но и с большой любовью.

Настал день спектакля. Не помню точно дату его, но помнится мне, что это было в июне 1933 года. Наш гример дал мне черный парик (обычно у Федора бывал рыжеватый) и

придал моему лицу слегка татарский тип.

В антракте второго действия на вопрос режиссера, как доволен он новым «сыном», Шалаяпин улыбнулся и сказал: «Да, кажется, первый законнорожденный», намекая на мой грим.

По окончании второго действия Шалаяпин выходил кланяться, а потом позвал меня и оказал честь, выведя меня вместе с собой.

Прощание с сыном в последнем действии — это истинный шедевр певческого и сценического искусства. Об игре в этот момент в зале совсем забывали, так звучал его голос, столько нежности, любви и мольбы было в нем. А я, слушая его, даже забыла, что это он, что это я, и мне начало казаться, что он действительно мой близкий человек — отец умирает. Слезы потекли: у меня из глаз, когда при словах Бориса: «Силы небесные, крылами светлыми вы осените мое дитя родное от зол, от бед, от искушений», он прижал меня к себе, поцеловал в лоб, и я, еле удерживая подступившие рыдания, пропела мою фразу: «Государь, успокойся, Господь поможет...». И эта фраза, видимо, прозвучала очень искренне.

В дальнейшем по ходу действия, когда мне надо было, рыдая, упасть на грудь лежащего на полу Шалаяпина, он тихо сказал мне: «Не дави мне диафрагму, подвинься выше!». Эта фраза немного отрезвила меня и вернула к действительности. Воспоминание об этой сцене врезалось в мою память на всю жизнь.

Мне так хотелось насладиться его игрой и голосом, что я в тот день, когда пела Марину, стояла за кулисами и, буквально не отрывая глаз, смотрела на него. О его перевоплощении

в царя Бориса написано много. Эти воспоминания я пишу, чтобы поделиться ими с людьми, никогда его не видевшими. А их много, гораздо больше, чем тех, которые знали, слышали или пели с ним — этим гением XX века.

В «Князе Игоре» у меня не было общих сцен с Шалаяпиным, но я в костюме Кончаковны всегда смотрела из-за кулис на него с огромным наслаждением. Он пел и Галицкого, и Кончака — две роли в одном спектакле — и поражал всех, и меня, конечно, различием этих двух персонажей. Даже голос его менялся, находя необходимую окраску для каждой роли. Для меня, тогда только начинающей певицы, было очень интересно наблюдать за его Галицким, бесшабашным, безнравственным повесой, и в том же спектакле — за его Кончаком, хитрым восточным властелином. Словами трудно передать, как он исполнил свою знаменитую арию, в которой он старался соблазнить князя Игоря всеми благами мира, чтобы сделать своим другом, а не врагом. Счастье мое, что мне удалось послушать и увидеть его в этих двух противоположных ролях.

Я не буду писать здесь о нем как о человеке. Для меня он был и есть величайший гений — артист, певец, впервые вложивший в каждое исполненное им слово — романса или арии — глубокий смысл. У него была идеальная дикция, «коварный» действительно звучало у него как коварный, «злой» был злобный, и сколько нежности вкладывал он в слова «милая», «дорогая».

Мне не пришлось видеть его в ролях Мельника в опере «Русалка», Ивана Сусанина в «Жизни за царя», Ивана Грозного в «Псковитянке» и множестве других партий. За границей эти оперы, к сожалению, не ставились. Я посещала его концерты, слушала вместе со Славиной оперу «Моцарт и Сальери» и получала новые незабвенные впечатления о Шалаяпине.

Елизавета ЭВЕРТ.